Хельге Блаккисруд

контрапункт

№2 / декабрь 2015

Размывание границ между гражданским и этническим

Российское — а затем и советское — государство традиционно опиралось на “имперский” подход к национальному вопросу: важнее была верность государству и царской династии (или коммунистической партии), чем национальной общине. Довольно долго Романовы скептически относились ко всем видам русского национализма; казалось, что идея этнического определения нации входит в противоречие с династическим пониманием государства. Советские строители нации, несмотря на “этнофилию”, характерную для их подхода в целом[1], осуждали любое проявление “великорусского шовинизма”. Распад Советского Союза не повлек за собой мгновенных перемен в этом вопросе. После 1991 года на смену идее о многонациональном “советском народе” пришла столь же сложная и многогранная “российская” гражданская идентичность[2]. Однако по мере того как “советское” постепенно уходило в прошлое, взгляд на эти вопросы стал меняться.

В настоящей статье прослеживается, как менялась позиция президента Владимира Путина по национальному вопросу после его возвращения в Кремль в 2012 году. В этот период, на фоне внутренних и внешних проблем, массовых протестов в Москве и других больших городах после думских выборов 2011 года, а также нарастающего кризиса на Украине, Кремль занялся пересмотром представлений о национальной идентичности. На основании анализа программных речей Путина, касающихся национального вопроса, я утверждаю, что традиционная этнополитическая корректность, которая ассоциируется с гражданским, мультиэтническим сознанием, постепенно отступает на задний план, уступая место “русскости”, то есть идентичности этнокультурного типа. Тем не менее я считаю, что Кремль воздерживается от осуществления политики откровенного этнонационализма. Более того, расширяя пространство для маневра, Кремль намеренно размывает границы русского этнического самосознания, оставляя возможность для различных интерпретаций идентичности — как более узкой, так и более широкой, чем просто совокупность граждан Российской Федерации.

В начале статьи будет представлен подход Путина к национальной идентичности в течение первых двух сроков его пребывания на посту российского президента (2000–2008), а затем будут проанализированы основные высказывания Путина по национальному вопросу в первые годы его третьего срока. Я полагаю, что в данных выступлениях Путин дает новое определение национальной идентичности: сдвиг от концепции преимущественно гражданской нации, основанной на гражданстве и государственной принадлежности, в сторону “этничности”, опирающейся на русский язык и культуру — т.е. к понятию нации, в котором центральную роль играют этнические русские. В следующем разделе я рассматриваю то, как население в целом воспринимает подобный “русско-ориентированный” подход. Наконец, заключительная часть статьи посвящена вопросу о том, каковы шансы нового путинского “этнического

разворота” закрепиться в общественном сознании: можно ли считать, что они выше, чем у гражданского термина “россияне”, который Кремль продвигал в 1990-е годы.

Контекст: Путин-патриот

В самой идее поиска русской национальной идеи нет ничего нового; в 2007 году в Послании к Федеральному Собранию Путин назвал эти поиски “старинной русской забавой”[3]. Накануне прихода к власти Путин также излагал свой взгляд на будущее России. В статье, озаглавленной “Россия на рубеже тысячелетий”, он обозначил три столпа успешного возрождения России: эффективная экономика, сильное государство и консолидация общества вокруг национальной “российской идеи”[4]. Тем не менее на протяжении первых двух президентских сроков Путина первому и второму пунктам явно уделялось больше внимания: российская экономика уверенно росла, а Путин восстановил централизованный контроль над политикой и обществом.

В отношении третьего пункта, то есть национальной идеи, стратегия Кремля в те годы была в основном сосредоточена на возрождении гражданского патриотизма[5]. В манифесте “Россия на рубеже тысячелетий” Путин назвал патриотизм наряду с “державностью”, “государственничеством” и “социальной солидарностью” в числе “исконных российских ценностей”[6]. На тот момент уровень гражданского патриотизма достиг исторического минимума; в годы правления Ельцина население с трудом осваивалось с потерей империи и необходимостью идентифицировать себя с новым государством, размеры которого существенно уменьшились. Теперь, после десятилетия распада и растерянности, Путин, поощряя гражданский патриотизм, стремился вновь внушить согражданам чувство гордости и задать направление развития.

Ельцинская администрация по очевидным причинам была вынуждена дистанцироваться от советского прошлого и выбрать дореволюционную Россию в качестве исторической точки отсчета для нынешнего государства. С появлением нового президента Кремль переключился на более прагматичный подход, выборочно реабилитируя те аспекты советского опыта, которые считал позитивными и способствующими гражданскому патриотизму; иллюстрацией этого процесса может служить решение о принятии в качестве национального гимна адаптированной версии старого советского гимна с обновленным текстом. Таким образом, Кремль обращался как к советскому, так и к имперскому опыту в истории России и одновременно укреплял экономику и государственные структуры (первые два столпа национального возрождения, упомянутые в путинском манифесте); в результате Путин смог предложить нации образ будущего, в котором Россия вновь займет “законное место” среди мировых великих держав.

Иными словами, подход Путина к национальной идее был скорее государственническим, чем этническим: “российский народ” понимался как многонациональный и многоконфессиональный союз народов. Таким образом, по сути Кремль продолжал заложенную ельцинской администрацией трактовку гражданской идентичности “россиян”: гражданскую (неэтническую) модель нации, в которой нерусским предоставлены значительные культурные и политические права, но которую объединяет широкий набор общих ценностей и традиций[7].

Хотя Путин назвал дальнейшее развитие национальной идеи ключевым условием успешной консолидации российского общества, он, тем не менее, возражал против искусственного ускорения этого процесса. В цитируемом манифесте он утверждал, что национальная идея должна появиться в результате естественного развития, через постепенное слияние “универсальных, общечеловеческих ценностей с исконными российскими ценностями, выдержавшими испытание временем”[8]. За исключением нескольких государственных программ, направленных на укрепление патриотизма среди подрастающего поколения, Кремль действительно не предлагал никакой особенно активной стратегии строительства нации.

И все же власти осознавали потенциал русских этнонационалистических настрое-

ний для укрепления образа великой России (то есть "державной" составляющей в национальной идее Путина). Поэтому почти на всем протяжении 2000-х годов граница между "правильным" патриотизмом и более явными — негативными — проявлениями национализма оставалась размытой[9]. Кремль терпимо относился к деятельности умеренных националистических организаций, таких как партия "Родина" Дмитрия Рогозина, а иногда даже активно поощрял их. И хотя власти принимали меры к тому, чтобы русский этнонационализм не смог стать самостоятельной политической силой[10], в некоторых случаях они не препятствовали крайним проявлениям националистических настроений — например, проведению "Русских маршей".

Однако в декабре 2010 года все изменилось. После беспорядков на Манежной площади, когда тысячи озлобленных протестующих выкрикивали националистические и антикавказские лозунги, власти были вынуждены пересмотреть прежнее благодушное отношение к русскому этнонационализму. Следует уточнить, что в 2000-е годы беспорядки на этнической почве случались и раньше; первым серьезным инцидентом, попавшим в заголовки газет, стали ожесточенные столкновения в карельском городе Кондопога в августе 2006 года. Тем не менее, беспорядки на Манежной означали, что проблема добралась до столицы и оказалась в центре политической повестки дня.

Отдавая себе отчет в том, что русские националисты могут воспользоваться тем, что антимигрантские настроения имеют большую популярность в обществе, власти решили подавить несанкционированные проявления русского национализма и оттеснить националистов на обочину российской политики. В последующие месяцы был отмечен рост судебного преследования националистов; в апреле 2011 года, к примеру, "Движение против нелегальной иммиграции" было запрещено за призывы к экстремизму.

В то же время "Единая Россия" довольно активно разворачивала собственный "Русский проект", чтобы — по словам Андрея Исаева, члена президиума генсовета — "разрушить монополию экстремистов и негодяев и [самим] выступать от имени русского народа"[11]. Так была подготовлена почва для частичной переориентации подхода к национальному вопросу. Однако формулирование новой национальной политики в федеральном масштабе было отложено до возвращения Путина в Кремль.

Новое президентство и новый подход: от маргинализации к частичной кооптации

Когда в сентябре 2011 года Медведев и Путин объявляли о своем решении поменяться местами после президентских выборов марта 2012 года, исход выборов уже был предрешен. Во время предвыборной кампании Путин, по уже заведенной традиции, избегал участия в открытых дебатах с оппонентами; вместо этого он предпочел общаться с электоратом напрямую с помощью серии тематических газетных статей. Одна из них была посвящена "национальному вопросу". В ней Путин проанализировал различные подходы к тому, как современная государственная система может справиться с мультиэтничной реальностью, и резко раскритиковал как мультикультурализм европейского разлива, так и русский этнонационализм[12]. Последний он назвал "бациллой", которая, выйдя из под контроля, может разрушить Россию. Этнонационализм привел к крушению Советского Союза; и, по словам Путина, русский национализм может иметь губительные последствия и для Российской Федерации. Поэтому он подчеркивал важность патриотизма, говоря о том, что Россия сформировалась в результате уникального процесса, итогом которого стало "многонациональное общество, но единый народ"[13].

Тем не менее, произошел явный сдвиг по сравнению, например, со статьей "Россия на рубеже тысячелетий": теперь Путин куда бóльшую роль отводил этническим русским, которых он назвал "государствообразующим народом": "Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации — русский народ, русская культура"[14]. Таким образом, сохраняя традиционную государственническую позицию, Путин обозначил этнический пово-

рот. Категорически отрицая идею “построения русского “национального”, моноэтничного государства” — идею, которая, по мнению Путина, противоречит всей тысячелетней истории России, — он все же объявляет русскость этнокультурным ядром государственно-ориентированной идентичности.

Этот сдвиг следует рассматривать в контексте массовых уличных выступлений после думских выборов в декабре 2011 года. Мало того, что это были самые крупные выступления политической оппозиции со времен распада Советского Союза; сами демонстрации ознаменовали собой совершенно новое явление: интерес к сотрудничеству между идеологически различными группами. Западно-ориентированные либералы неожиданно преодолели традиционную неприязнь к русским этнонационалистам[15]. Уровень общественной мобилизации явно застал власти врасплох. Поэтому команда Путина решила пойти на небольшие уступки демонстрантам, чтобы вернуть себе контроль над ситуацией — и в то же время позаимствовать некоторые элементы их риторики. Требования этнонационалистов о самоопределении нации и запрос на русское национальное государство были переформулированы в терминах, более приемлемых для Кремля:

“Самоопределение русского народа — это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром <…>. Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию”[16].

Границы русского “я” оставались неопределенными: русскость представлялась центром притяжения “полиэтнической цивилизации”; но находящиеся на периферии нерусские были радушно приняты и приглашены встроиться на новой основе в популяцию большинства. Такой подход понятен. Необходимо было найти равновесие: завоевать поддержку русского этнического большинства, не провоцируя при этом негативной мобилизации меньшинств. Решение, которое предлагал Путин, состояло в том, чтобы оставить возможность включения таких меньшинств в более широкое пространство “Русского мира”.

От Валдая к Крыму — сужаясь и расширяясь?

После своего избрания в 2012 году Путин продолжал подчеркивать “русскость” российского народа. Например, в его ежегодном Послании к Федеральному Собранию (первом после его возвращения в Кремль) была четко сформулирована связь между проектом построения нации и историей этнических русских и их государственности. Основой нынешнего государственного образования объявлялось не только многонациональное советское государство, но и Российская Империя, и Московское царство. Для возрождения национального сознания, заявил Путин, “нам нужно связать воедино исторические эпохи и вернуться к пониманию той простой истины, что Россия началась не с 1917-го и даже не с 1991 года, что у нас единая, неразрывная тысячелетняя история, опираясь на которую мы обретаем внутреннюю силу и смысл национального развития”[17].

В течение следующих полутора лет Путин произнес две ключевые речи, касающиеся проекта российской идентичности: в сентябре 2013 года на заседании Валдайского клуба он обратился к собравшимся международным специалистам по России; а затем в марте 2014 года выступил с обращением к Федеральному Собранию и главам регионов по случаю присоединения Крыма и Севастополя к России в качестве новых субъектов Российской Федерации.

Заседание Валдайского клуба в 2013 году было посвящено теме “Многообразие России для современного мира” — однако вместо хвалы многообразию Путин в своей речи подчеркивал фундаментальную необходимость в формировании нации, объединенной общими ценностями и мировоззрением:

“Ведь в конце концов и экономический рост, и благосостояние, и геополитическое влияние — это производные от состояния самого общества, от того, насколько граждане той или иной страны чувствуют себя единым народом, насколько они укоренены в этой своей истории, в ценностях и в традициях, объединяют ли их общие цели и ответственность.

В этом смысле вопрос обретения и укрепления национальной идентичности действительно носит для России фундаментальный характер”[18].

Для укрепления этой идентичности Путин призывает объединить усилия различных слоев общества. “После 1991 года была иллюзия, что новая национальная идеология <…> родится как бы сама по себе”, — заявил он. Однако история показала, что “новая национальная идея не рождается и не развивается по рыночным правилам”[19]. Таким образом, Путин, видимо, отказывается от своей прежней позиции на этот счет (изложенной в манифесте “Россия на рубеже тысячелетий”): теперь он выступает за куда более активное участие государства в выработке национальной идеи.

При этом механически копировать опыт других стран не имеет смысла; русская национальная идея должна быть твердо укорененной в истории и обществе. “Кто мы?”, “кем мы хотим быть?” — эти вопросы, утверждал Путин, россияне задают все “громче и громче”. Ответ, полагает он, необходимо найти в национальной идентичности, гражданской по своей природе, основанной на “общих ценностях, патриотическом сознании, гражданской ответственности и солидарности, уважении к закону, сопричастности судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями”[20]. Но в то же время не должно быть никаких сомнений в том, что центром этой государственно-ориентированной идентичности является (этническое) русское ядро. Путин повторил ставшую уже традиционной хвалу русскому народу, русскому языку и русской культуре; но теперь он еще дополнительно подчеркнул важную роль Русской Православной Церкви.

Эти высказывания вполне соответствовали новому консервативному, ценностно-ориентированному подходу, который становился все заметнее в мировоззрении, характерном для нового президентства[21]. В Послании 2012 года Путин множество раз возвращался к теме важности исторических, традиционных и семейных ценностей — ценностей, которые он связывал со своим обновленным ви́дением национального сообщества. В валдайской речи Путин обрушился на “эксцессы политкорректности” и мультикультурализм, пронизывающий западные общества:

“<…> многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнёрство, веру в бога или веру в сатану”[22].

Такому упадку морали Путин противопоставил Россию как образец традиционных добродетелей и призвал людей сплотиться для защиты национальной идентичности, основанной на этих ценностях. Иными словами, “этнический поворот”, который начался на третьем сроке Путина, стал неотъемлемой частью более широкой установки на консерватизм и традиционализм.

В своем обращении в марте 2014 года, посвященном включению Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации в качестве новых субъектов, Путин еще настойчивее подчеркивал связь между этническими русскими и российской государственностью. Для обоснования пересмотра государственных границ были приведены исторические аргументы, однако на протяжении всей речи Путин неоднократно использовал термин “русский” вместо “российский”. В этом эмоциональном воззвании он настаивал на том, что “в сердце, в сознании людей Крым всегда был и остаётся неотъемлемой частью России <…> Крым — это исконно русская земля, а Севастополь — русский город”[23]. Таким образом, для легитимации возвращения полуострова под контроль Москвы было использовано не только то, что Крым исторически входил в состав Российской Империи и РСФСР, но и то, что полуостров всегда являлся русской землей. Вхождение в Российскую Федерацию было представлено одновременно и как восстановление исторической справедливости, и

как этническое самоопределение. С распадом Советского Союза русский народ “стал одним из самых больших, если не сказать, самым большим разделённым народом в мире”[24]. Теперь часть этих русских возвращалась домой, и их приветствовали на родине — вместе с возвращенной “русской” землей Крыма.

Путин не мог, да и, наверное, не хотел представлять Россию как национальное государство, построенное на этнической основе, — но его риторика, несомненно, изменилась. Исчезли отсылки к всеобъемлющей гражданской идентичности “россиян” — более того, ни в одной из рассматриваемых здесь ключевых речей третьего путинского срока он ни разу не употребил этот термин. Теперь, когда Путин говорил о населении страны в целом, он использовал более нейтральное выражение “граждане России”. Но, анализируя “Крымскую речь”, можно также отметить и тенденцию замены “российского” “русским”; к примеру, Путин говорил о “русском” черноморском военном флоте и о “русском” Севастополе[25].

Модификация национальной идентичности, предпринятая Путиным, постепенно смещала акцент в сторону более русско-центричной, ценностно-ориентированной концепции и способствовала укреплению его политической поддержки. На сегодняшний день повышение значимости “русского” в проекте национальной идентичности позволило Путину отобрать очки у русских этнонационалистов *(о снижении популярности этнонационалистических групп см. статью А. Верховского в настоящем выпуске - Прим.ред.)* Кроме того, “Крымская речь” продемонстрировала, что упор на этнокультурную русскость может принести дивиденды и во внешней политике России: гражданскую идентичность “россиян” и ее связь с российским государством не удалось бы так эффективно мобилизовать для легитимации экспансионистской политики в отношении Украины. Теперь, когда идентичность была переиначена на этнокультурный лад, Кремль мог опираться не только на волю населения Крыма, выраженную на референдуме 16 марта — дополнительным аргументом для присоединения Крыма стала необходимость покончить с недопустимой разделенностью этнических “родственников”. Таким образом, вхождение Крыма и Севастополя в состав страны помогло сплотить русских этнонационалистов и имперцев, сторонников восстановления российской/советской империи, под путинскими знаменами.

Реакция населения

“Крымскую речь” Путина многие сочли водоразделом в спорах о российской идентичности. Но как отреагировало население на путинские этнонационалистические призывы? В последние годы многие этнические русские, несомненно, стали все громче заявлять о своих правах на российскую государственность. Несмотря на то что этнические русские сейчас представляют явное большинство населения страны, их интересы, согласно русскому этнонационалистскому дискурсу, постоянно и последовательно игнорируются[26].

Одним из часто используемых индикаторов этнонационалистских настроений среди населения России является поддержка лозунга “Россия для русских”. Согласно опросу NEORUSS, проведенному весной 2013 года[27], почти две трети респондентов (59,3%) поддерживали этот лозунг частично или полностью. Такой результат можно объяснить тем, что на протяжении почти всего первого десятилетия нового века Кремль избегал явного осуждения русского этнонационализма. Кроме того, с течением времени стали стираться советские установки: старшие поколения еще помнят лозунги о “дружбе народов”, на которых они выросли, но в постсоветском поколении, как показывают исследования, ксенофобные чувства встречаются заметно чаще[28]. В нашем опросе вышеприведенный лозунг был наиболее популярен среди молодежи от 18 до 24 лет — больше, чем во всех остальных возрастных группах.

Однако когда респондентов спросили, кто такие “русские” в лозунге “Россия для русских”, только 39,0% выбрали чисто этническое определение — что несколько удивительно. Больше половины респондентов

предложили более инклюзивную интерпретацию: русскими следует считать либо всех граждан страны (таким образом, приравнивая "российскую" идентичность к "русской") (24,9%), либо "преимущественно русских по национальности, но не только их" (30,0%). Похоже, что большинство респондентов готовы поддержать путинскую интерпретацию национальной идентичности — русско-центричную, но при этом неэтническую. Интересно, что чаще всего вариант "этнические русские, но не только они" выбирали представители постсоветского поколения (от 18 до 24 лет).

Кто же потенциально включен, а кому отказано в принадлежности к этой группе "русских"? В ходе опроса мы не спрашивали, какие еще этнические группы респонденты готовы отнести к категории "русских". Ранее, однако, Эмиль Паин описал такую расширенную идентичность в терминах "«мы» в отличие от «мигрантов»". По его данным, представители этнических групп с Северного Кавказа выделяются среди прочих мигрантов как культурно чуждая группа, которую большая часть населения не считает возможным включить в расширенное понятие "мы":

"В Москве выходцев из Петербурга, Тюмени или Орла мигрантами не называют, так же как и татар или башкир из соответствующих республик. И даже граждан Белоруссии и Украины в быту мигрантами никто не называет"[29].

Напротив, термин "мигрант", кодовое обозначение для "Другого", в основном используется применительно к людям, приезжающим с Кавказа или из Центральной Азии. Иными словами, несмотря на то, что Северный Кавказ входит в состав российского/советского государства более ста пятидесяти лет, бóльшая часть населения до сих пор испытывает проблемы с включением этнических групп, происходящих из этого региона, в состав собственной нации; культурные и религиозные характеристики этих этнических групп препятствуют тому, чтобы признать их принадлежность к русской идентичности.

В 2012 году в послании к Федеральному Собранию Путин вспоминал, как ветеран Великой Отечественной войны, не будучи этническим русским, однажды сказал ему: "Для всего мира мы один народ, мы русские". "Так было и во время войны, так было всегда", — добавил Путин[30]. Несмотря на существование культурных барьеров, которые, скорее всего, не позволят некоторым этническим меньшинствам быть полностью включенными в "большое русское сообщество" (куда входят не только русские), опрос NEORUSS 2013 года показал, что этнические русские в целом готовы воспринимать этнические меньшинства как часть этого сообщества.

Заключение

Охарактеризовав поиск национальной идеи в России как "старинную русскую забаву", Путин, тем не менее, дал ясно понять, что формирование национальной идентичности — это процесс, который продолжает развиваться[31]. Нынешний "этнический поворот" с "русификацией" национальной идеи можно объяснить как отложенную реакцию. В то время как остальные 14 бывших союзных республик сразу приступили к строительству нации, в ходе которого они противопоставляли себя старой советской наднациональной структуре, Москве понадобилось время, чтобы освоиться с новыми реалиями. Идентичность "россияне" может рассматриваться как полумера: несколько модифицированная версия советской гражданской идентичности, приспособленная к сильно уменьшившейся территории. Однако с течением времени новые демографические и политические обстоятельства потребовали пересмотра первоначального постсоветского проекта идентичности.

Ответом Кремля в период третьего путинского срока стало намеренное размывание границ между гражданской "российской" и этнической "русской" идентичностями. Гражданская идентичность стала более отчетливо русской, по мере того как Кремль объявил основой этой идентичности русский язык, русскую культуру и русские традиционные ценности. В то же время Путин дистанцировался

от более радикальных проявлений русского этнонационализма. При определении “своих” и “чужих” приверженность культуре и ценностям считается более важной, нежели общие предки и гены. Границы “русской” идентичности открыты и могут включать в себя представителей других этнических групп, готовых присоединиться к ценностно-ориентированной идентичности, пропагандируемой Кремлем.

Насколько у такого проекта выше шансы завоевать поддержку основной части населения по сравнению с проектом “россиян” начала 1990-х годов? Продвижению русско-ориентированной идентичности препятствует и государственное устройство, и традиционный советский подход к этничности.

Когда Советский Союз распался, новые власти в Кремле решили сохранить советскую этнофедеральную структуру. Это означало, что 32 из 89 составных частей Российской Федерации были объявлены этническими автономиями — территориями одной или более титульных наций. С началом нового тысячелетия Кремль начал кампанию по переустройству федеральной структуры на более рациональных основаниях; в рамках этого подхода предполагалось упразднить несколько малонаселенных автономных округов. Однако этот проект встретил сопротивление на местном уровне и вскоре был заморожен. Таким образом, к моменту включения Крыма и Севастополя в состав федерации она включала в себя не менее 26 автономий.

Дискуссия о федеральной структуре в России не окончена. Когда крымская эйфория начала стихать и пришло осознание тяжелых проблем, связанных с ухудшением экономики, некоторые политические деятели вспомнили о старых планах федеральной реформы. Однако в настоящее время переход к полностью унитарной государственной структуре не представляется возможным. А пока этнические автономии остаются составными частями федерации, они будут постоянно напоминать титульному населению о его “нерусскости”. Этнофедеральная государственная структура могла сочетаться с прежней идентичностью “россиян”, но, по всей видимости, приходит в противоречие с проектом национальной идентичности, основанной на русско-центричности.

Кроме того, проект новой национальной идентичности начинается не с чистого листа. Наоборот: в течение 70 лет советских граждан учили, что важно осознавать свою этническую принадлежность. В 1920-х годах, в рамках политики *коренизации*, советские власти провели беспрецедентную кампанию этнической инженерии по укреплению этнических идентичностей и даже изобретению новых. Они развивали образование, СМИ и культурные институты на языках национальных меньшинств, а с 1930-х годов также ввели обязательную запись о национальной принадлежности каждого гражданина во внутреннем паспорте. Никому не было позволено скрывать свое этническое происхождение. В то же время национальность могла давать преимущества, поскольку рабочие места и различные привилегии распределялись согласно национальной принадлежности и по квотам; Советский Союз описывали как “империю позитивной дискриминации”[32]. Это наследие оставило глубокий отпечаток также и на постсоветских поколениях. В частности, в тех случаях, когда этническая идентичность подкрепляется наличием соответствующего этнотерриториального образования, она оказывается более устойчивой к ассимиляционному давлению.

С другой стороны, существуют факторы, способствующие успешному формированию новой национальной идентичности. Во-первых, несмотря на официальную риторику, согласно которой Россия — многонациональное государство, большинство населения России считает себя “русскими”. В ходе российской переписи 2010 года не менее 80,9% определили себя как “русские” — больше, чем в некоторых странах, которые считаются “национальными государствами”. Исходя из этого, можно ожидать, что упор на русское ядро будет хорошо воспринят основной частью населения.

Во-вторых, хотя Российская Федерация и гордится тем, что включает в себя исконные земли множества этнических групп и зачастую стремится сохранять их в форме автономий, бóльшая часть национальных

меньшинств довольно малочисленны. На сегодняшний день только пять национальных меньшинств составляют более одного процента от населения страны (татары — 3,9%, украинцы — 1,4%, башкиры — 1,1%, чуваши — 1,1% и чеченцы — 1,0%). В абсолютном выражении только 17 национальных меньшинств насчитывают более полумиллиона человек. Многие другие находятся на грани исчезновения.

В то время как советская национальная политика препятствовала формальной ассимиляции — даже если человек лингвистически или культурно русифицировался, он или она не имели законного права поменять свою "национальность по паспорту", — политическая либерализация 1990-х годов значительно облегчила процесс смены этнической идентификации. Когда администрация Ельцина решила, что государство более не должно вмешиваться в то, к какой этнической группе гражданин себя причисляет, и упразднила советскую практику указания этнической принадлежности во внутреннем паспорте, эта мера была задумана как антидискриминационная[33]. Однако "национальность по паспорту", кроме того, еще и препятствовала "дезертирству", постоянно напоминая о национальном происхождении каждого человека. Теперь стало значительно проще оборвать нити, связывающие русифицированных жителей России с их лингвистическими и культурными корнями. Это открыло возможность укрепить этническое ядро за счет притока обрусевших представителей меньшинств — что, в свою очередь, пошло на пользу "этническому повороту", предпринятому путинской администрацией.

Наконец, можно задаться вопросом, что нового — с содержательной точки зрения — предлагает нынешний путинский проект идентичности. Хотя идентичность "россияне" была более инклюзивной, поскольку автоматически включала всех граждан в национальное "я", культурным ядром этой гражданской идентичности всегда были русские или "этнические русские, но не только они". Государственным языком был русский. В школах учили историю Российского государства, от Киевской Руси — через Московское царство и Российскую Империю — к нынешней Российской Федерации. А русская культура, обогащенная вкладом самых разных народов, придавала культурную глубину гражданской идентичности. Смещение акцента от "российского" к "русскому", по всей видимости, не внесло существенных изменений в содержание предыдущего проекта идентичности. Как утверждает Оксана Шевель[34], этот проект всегда был открыт для различных интерпретаций того, насколько русско-центрична российская нация.

В то же время благодаря большей определенности в вопросе о связи нового проекта с этническим русским ядром и утверждению его государствообразующей роли эта идентичность может оказаться прочнее и устойчивее, нежели предыдущая, связанная со словом "россияне". Вместо того чтобы постулировать общность, основанную на территории государства в его административных границах, Кремль теперь предлагает вариант, который легко воспринимается большинством населения. При этом границы пространства "своих" остаются размытыми, что позволяет включить в это расширенное "я" бóльшую часть граждан. Когда Путин в своей предвыборной статье о национальном вопросе говорил о "русских татарах" и "русских немцах", используя именно эпитет "русские", а не "российские"[35], это было знаком именно такой инклюзивной, даже потенциально экспансионистской природы нового проекта. Некоторые не-русские могут оставаться "этническими" по форме, но по содержанию они могут относиться к "русским".

В целом, русская национальная идентичность гораздо более динамична, нежели ее западные аналоги[36]. Спустя более чем два десятилетия после распада Советского Союза эта идентичность все еще находится в процессе формирования. Как показано в данной статье, Кремль избегает дальнейшего уточнения этой идентичности: она этнокультурно русская по своей сути, но одновременно и многонациональная и мультиконфессиональная. Этнические русские могут считаться "государствообразующей" нацией, однако Путин категорически отказывается сменить определение Российской Федерации и объявить ее национальным государством.

Сохранение неопределенности и размытых границ — несомненно, сознательный выбор. По мнению Кремля, “русская” идентичность не должна быть заключена в пределах государственных границ; она представляет собой отдельную, уникальную цивилизацию — “Русский мир”[37]. Таким образом, новый подход к национальной идентичности не только помогает обеспечить значительную поддержку режима внутри Российской Федерации, но и дает возможность дотянуться до русской и русифицированной диаспоры в соседних государствах. Отсутствие четких определений некоторым виделось как препятствие, мешающее успешному строительству нации в России[38], — но оно же позволяет Кремлю оставить за собой широкое пространство для маневра.

Примечания

1 Slezkine Y. *The USSR as a communal apartment, or how a socialist state promoted ethnic particularism* // Slavic Review.1994. Vol. 53, №2. P. 414–452.

2 Tolz V. *The search for national identity in Russia of Yeltsin and Putin* // Brudny Y., Frankel J., Hoffman S.(Eds.) *Restructuring Post-Communist Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 160–78;* Shevel O. *Russian nation-building from Yel'tsin to Medvedev: ethnic, civic or purposefully ambiguous?* // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63, №2. P. 179–202.

3 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации* // Президент России. 2007. 26 апреля. URL: http: //archive.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.shtml (доступ 01.12.2015).

4 Путин В. *Россия на рубеже тысячелетий* // Независимая газета. 1999. 30 декабря. URL: www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html (доступ 01.12.2015).

5 Sperling V. *Making the public patriotic: militarism and anti-militarism in Russia* // Laruelle M. (Ed.) *Russian Nationalism and the National Reassertion in Russia.* Milton Park: Routledge, 2011. P. 218–71.

6 Путин В. *Указ. соч.*

7 Kolstø, P., H. Blakkisrud (Eds.) *Nation-building and Common Values in Russia.* Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2004.

8 Путин В. *Указ. Соч.*

9 Laruelle M. *Rethinking Russian nationalism: historical continuity, political diversity, and doctrinal fragmentation* // Laruelle M (Ed.) *Russian Nationalism and the National Reassertion in Russia.* Milton Park: Routledge, 2010. P.22–33.

10 Sakwa R. *The Crisis of Russian Democracy: the Dual State, Factionalism and the Medvedev Succession.* Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

11 Цит. по Азар И. *Русский государственный трен* // Газета.ru. 2007. 7 февраля URL: www.gazeta.ru/2007/02/07/oa_230946.shtml (доступ 02.12.2015).

12 В отрицании мультикультурализма Путин следует за высказываниями ряда лидеров западных стран. Еще в 2010 году французский президент Николя Саркози заявил, что мультикультурализм мертв. Вслед за Саркози канцлер Германии Ангела Меркель также признала что мультикультурный подход “потерпел поражение”. Но в отличие от этих лидеров, которые, как и Путин, стремились сплотить нацию вокруг национальной Leitkultur (“доминирующей культуры”), сам Путин заявлял о несостоятельности мультикультурализма именно как западного подхода, продолжая настаивать на том, что российская государственная идентичность — пример успешного достижения мультиэтнического и многоконфессионального единства.

13 Путин В. *Россия: национальный вопрос* // Независимая газета. 2012. 23 января. URL: www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (доступ 02.12.2015).

14 *Там же.*

15 Kolstø P. *Russia's nationalists flirt with democracy* // Journal of Democracy. 2014. Vol, 25, № 3. P. 120–134.

16 *Путин В.* Указ. соч.

17 *Послание Президента Федеральному Собранию* // Президент России. 2012. 12 декабря. URL: http: //kremlin.ru/events/president/news/17118 (доступ 02.12.2015).

18 *Заседание международного дискуссионного клуба “Валдай”* // Президент России. 2013. 19 сентября. URL: http: //kremlin.ru/events/president/news/19243 (доступ 02.12.2015).

19 *Там же.*

20 *Там же.*

21 Бызов Л.Г. *Новое консервативное большинство как социально-политический феномен* // Мир России. 2014. Т.23, №4. С. 6–34.

22 *Заседание международного дискуссионного клуба “Валдай”…*

23 *Обращение Президента Российской Федерации* // Президент России. 2014. 18 марта. URL: www.kremlin.ru/news/20603 (доступ 02.12.2015).

24 *Там же.*

25 Там же.

26 См., например, Рогозин Д. *Русский ответ Владимиру Путину* // Известия. 2012. 31 января. URL: http: //izvestia.ru/news/513702 (доступ 02.12.2015).

27 Этот опрос проводился 8–27 мая 2013 года Исследовательским холдингом Ромир для проекта “Новый российский национализм (NEORUSS)” (N=1000 респондентов).

28 См., например, Соколов М. *“Россия для русских?” Уже не стыдно {Интервью с директором Левада-центра Л. Гудковым}* // Радио Свобода. 2013. 19 ноября. URL: www.svoboda.org/content/transcript/25172654.html (доступ 02.12.2015).

29 Цит. по Филина О. *У нас общество догражданской культуры {Интервью с политологом Э. Паиным}* // Огонек.2013. 19 августа. URL: http: //www.kommersant.ru/doc/2244366 (доступ 02.12.2015).

30 *Послание Федеральному собранию, 2012…*

31 См., например, Путин В. *Россия: национальный вопрос…*

32 Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.

33 Simonsen S. G. *Between minority rights and civil liberties: Russia’s discourse over “nationality” registration and the internal passport* // Nationalities Papers. 2005. Vol. 33, №2. P. 211–229.

34 Shevel O. *Op. cit.* P.183.

35 *Послание Федеральному Собранию, 2012…*

36 Alexseev M. *Backing the USSR 2.0: Russia’s ethnic minorities and expansionist ethnic Russian nationalism* // Kolstø P., Blakkisrud H. (Eds). *The new Russian nationalism: imperialism, ethnicity and authoritarianism 2000–2015.* Edinburgh: Edinburgh University Press (готовится к печати в марте 2016 года).

37 Laruelle M. *The “Russian World”: Russia’s soft power and geopolitical imagination*. Washington, DC: Center on Global Interests, 2015.

38 Shevel O. *Op.cit.*